

Полная стенограмма интервью с Валерием Колибаном — охотником, сотрудничающим с МУП «КоммуналДорСервис» по Программе регуляции численности бездомных животных в городе Бендеры.

Журналист: Скажите, пожалуйста, как вы вообще начали работать на КоммуналДорСервис.

Валерий Колибан: *Давайте будем уточнять, что я не работаю на КоммуналДорСервис, я сотрудничаю с КоммуналДорСервисом. Началось это буквально года полтора тому назад, когда в интернете появился ролик с неизвестным Харчкенко. То есть из двух зол, я как охотник с 22-летним стажем, решил, что отстреливать — это более гуманно, чем убивать их дубинами и камнями.*

Поэтому я сам лично подошел к ним [руководству КоммуналДорСервиса (ред.)] и предложил: «Ребята, зачем? Давайте я буду стрелять. Давайте наше охотничье сообщество: мы собираемся и будем просто стрелять. Нам ничего за это не надо». Единственное, что по программе госадминистрация в этом году начала нам выплачивать по 10 рублей за патрон. В прошлом году это проходило без уплаты. То есть за каждый выстрел они высчитывают нам 10 рублей за патрон. Это к слову о том, чтоб зоозащитники не козыряли фактами, что мы убиваем ради денег. Нет, ребята, не ради денег. А из двух зол мы выбрали более гуманный метод, как они любят говорить. Хотя это слово тут даже не подходит. Просто из двух зол выбрали наименьшее.

По поводу митинга зоозащитников:

Вот их было там 25 человек, ну, допустим, это 25 зоозащитников, не будем высчитывать, что там были зеваки, были посторонние люди. Будем считать, что 25 человек.

Я хочу вам сказать, что, например, вчера, я позвонил в КоммуналДорСервис, начальнику службы санотчистки, спросил, навскидку, сколько было заявлений на собак с начала года до сих пор. Около 180 (186-189, я сейчас вам точно не скажу) заявлений с начала 2017 года на агрессивное поведение собак. А более чем под 50-тью заявлениями стоят подписи 60-ти человек, 15-ти человек, 8-ми человек. Если взять в общем счете, то, примерно, более 1000 человек написали заявления, понимаете?

Позавчера, 3 июля, два заявления:

Первое заявление было с улицы Ленинградская, город Бендеры — нападение на ребенка, был укушен ребенок.

Второе заявление, в тот же день, 3 числа, было на улице, если не ошибаюсь, Краснодарская или Красноармейская.

Кроме этого в КоммуналДорСервис пишут и начальник УВД, и из Прокуратуры заявления, и из Госадминистрации, все пишут. Никто ничего реально не предлагает.

Вот зоозащитники ничего реально не предлагают. У них один запрос: дайте нам денег. Они постоянно говорят: «Дайте нам денег, вам же выделили?».

Год тому назад, после этого ролика, когда я подошел к ним в КоммуналДорСервис, говорю: «Ребята, вы с ума сошли все? Как, почему так? Я вам предлагаю: вот у нас бригада в 8 человек охотников, просто дайте нам разрешение на периферии не в сезон охоты заниматься отстрелом, и я вам гарантирую, что в течение трех месяцев работы мы эту проблему закрываем. Их не будет. Потому что для начала мы будем отстреливать сучек, которые плодятся — это самая большая проблема — 6, 7, 4 щенка. Кабели не мешают, но они проявляют агрессию. То есть во время брачного периода кабель защищает ее, проявляет агрессию, и это будет всегда». Они интересуются что взамен. Я ответил, что ничего, единственная просьба — собирать трупы, то есть чтоб они не валялись по всему городу, а чтоб вы собрали их. «А боеприпасы?», — «Ни боеприпасы, ни топливо, ни машина

— ничего не надо». Вот мы просто собрались и надо что-то делать, потому что у того ребенок, у того ребенок, у того ребенок. У меня их три. У меня старшая дочка — ей 13 лет. Она боится выйти во двор. От 8-ми до 12-ти собак во дворе. Она просто боится. Я не буду говорить про полуторогодовалого ребенка.

Журналист: Вы сказали о том, что предложили КоммуналДорСервису только «ездить и собирать трупы», то есть вы предполагаете отстрел прямо на улице?

Валерий Колибан: *Отстрел на периферии. То есть такие места в городе, например, парк им. Горького. Там большая площадь, там можно отстреливать. Например, БАМ, вокруг озера на БАМе, там тоже можно отстреливать.*

Мы не говорим об отстреле в центре города, в черте города. Я тоже не камикадзе. Я понимаю что такое огнестрельное оружие и чем это может закончиться. Периферия.

Например, есть Ленинский район у нас. Есть улица Космонавтов. Рядом поле. На той улице, если пройтись вдоль мусорки, мы можем насчитать до 30-ти особей. То есть этих можно было отстреливать, но нам не дают разрешение.

Журналист: Почему не дают разрешение?

Валерий Колибан: *Во-первых, это зона безопасности.*

Во-вторых, это использование огнестрельного оружия в черте города: закон приписывает не менее пятисот метров от черты города.

В-третьих, скажем так, зоозащитники.

Весь этот «цирк», который был устроен на Гиске: начнем с того, что я там находился в качестве охотника, то есть у меня были все документы на руках. Они их попросили, хотя я мог послать их куда подальше, я их показал, говорю, мол, вот, ребята, бумаги, все в порядке, все по закону. То есть я не буду ходить по улице с пистолетом или другим оружием и размахивать им, я этого не делаю — я адекватный человек.

Но они зашли на территорию незаконно. Это охраняемый объект. Они попали на территорию путем взлома. То есть они оттолкнули сторожа, зашли на территорию и начали звонить на 102, кричать, что убивают собак. Хотя собаки уже давно отстрелены на тот момент. Пока они приехали, их было не много, я их отстрелял.

Вопрос в том, что после этого, зная место, где происходит отстрел, там есть ямы для силоса. Огромные бетонные ямы, аэротенки для силоса. Естественно, если он спрячется здесь со своей камерой (вблизи отстрела), я его увижу. Естественно, он должен спрятаться дальше с этой камерой. И он спрячется где? В конце ямы. Они там хотели прятаться. Подошел ко мне потом этот индивидуум [Дмитрий Белоусов (ред.)]. Я спрашивал, осознает ли он риск, которому подвергает себя и меня как человека: «Ты становишься на линии огня», — поэтому и стреляется в аэротенках, потому что справа бетонная стена в 4-5 метров, слева бетонная стена в 4-5 метров и в конце аэротенка подъем. Я уверен, что вылет заряда «четыре нуля» или «два нуля», которые мы насыпаем, на 50-70 метров действует. Он прячется на 90 метрах. Я его не убью, но покалечу. Я ж не могу ответить куда полетит одна из 32-х или 44-х дробинок, потому что оно развеивается на 1.5-2 метра. Он решил прятаться туда и снимать меня — «показать обществу».

Да я не против, мы сами выкладываем в интернет фотографии с охоты, это для нас не содержит ничего противозаконного, это можно, мы это делаем. Но неприличен тот факт, чтоб люди это видели. Я понимаю, что они поставят «18+», но зайдет какой-то ребенок, скажет, что «мне 18» и будет смотреть. Но есть факты, которые дети не должны видеть. Мы же не будем показывать детям как это происходит и что это. Просто подготавливать детей к этому надо.

Журналист: Что касается инцидента, который произошел у вас с Дмитрием Белоусовым, был запечатлен непосредственно на камеру...

Валерий Колибан: Да, я вам сейчас расскажу. Это вообще уникальный случай.

Знаете, эти люди, скажем так, они юридически подкованы, начитанные, очень хорошо понимают где можно, где нет. Они делают как: идут, пишут заявление в УВД. Там отработывают заявление, говорят, что состава преступления нет, извините. «Ага, вы милиционер и сделали неправильно работу», — он [зоозащитник (ред.)] идет и пишет в Прокуратуру. Прокуратура говорит: «Нет состава преступления, вам дали ответ, будьте добры ...». Он отсюда идет и уже ставит под удар и милицию, и Прокуратуру, он идет в Отдел собственной безопасности и пишет: «Ваши сотрудники не исполняют обязанности». Естественно, Отдел собственной безопасности должен отработывать это все, проверить всех.

Таким образом, с одной и той же темой он ходит в 3-4 инстанции и просто соблюдая процедуру (они ничего не нарушают), не останавливаются на первой инстанции, а ходят дальше-дальше-дальше.

И вот будучи очень подкованными в этих вещах, даже главный наш зоозащитник — Ирина Плагова — бывший сотрудник внутренних дел, человек, который очень хорошо понимает систему, как она работает и как ей противодействовать.

Мы подъезжаем на машинах, единственное что я должен был сделать — расписаться в актах о том, что животные были утилизированы: мертвы, их выкинули в яму Бекай, сколько и так далее. Я должен расписываться. Я сказал, что могу показать им и договор, и акт выполненных работ, так сказать «работ».

Он [Дмитрий Белоусов (ред.)] стоит на пригорке, держит в руках камеру и провоцирует...

Журналист: Каким образом?

Валерий Колибан: Ну, стоит и: «Вот, пришли живодеры». Хотел бы спросить у них, они хоть знают что такое «живодер»?

И вот там [в договоре (ред.)] написано: «На безвозмездной основе». Я мог бы даже дать вам акты выполненных [работ (ред.)], но это было бы некрасиво с моей стороны по отношению к КоммуналДорСервису.

И когда он начал. Он сначала провоцировал, я подошел, хотел просто с ним поговорить, и на записи слышно хорошо: «Представьтесь, пожалуйста... представьтесь, пожалуйста...». Зачем тебе? Кто ты такой? Если ты хочешь, чтоб я тебе представился, будь добр представься ты, скажи: «я — такой-то такой-то, представляю интересы такой-то и такой-то организации...».

Они взяли на себя мантию, как они говорят, «общественного контроля» или «мониторинга». Хорошо, ребята, вы организация? Вы зарегистрированы? На какие деньги вы живете? Как вы живете? И ваши действия какие?

Любая общественная организация, которая проводит общественный контроль, должна быть зарегистрирована. Я не могу прийти и сказать, что я, как общественный контроль, хочу посмотреть как допрашивают уголовного в ГУВД. Могу ли я это сделать?

Журналист: Но тут совершенно другая ситуация.

Валерий Колибан: Почему?

Журналист: Потому что конкретно относительно «уголовника» это деятельность министерства внутренних дел. Грубо говоря, это милиция, это охрана безопасности и многие другие вещи. Конкретно с точки зрения нашего законодательства, нашей Республики, вопросы, касающиеся обороны, общественной безопасности и тому подобных вещей — это особая тема.

Валерий Колибан: *Переходим тогда к другому: могу ли я зайти в морг и снимать работу патологоанатома? Вот городской морг, я захожу, там находятся лица без определенного места жительства которых вскрывают. Могу ли я зайти и сказать, что я общественный контроль и хочу посмотреть каким методом будет происходить вскрытие и как вы относитесь к трупам?*

Журналист: Если я верно понимаю, то вы нарушаете этим распорядок больницы как минимум.

Валерий Колибан: *Вот!*

Журналист: А у вас тоже прописан распорядок некий?

Валерий Колибан: *Я вам скажу так: отстрел производился на режимном объекте. На охраняемой территории. По договору. Какое он имеет право прийти туда и снимать это все? Подайте заявление, ребята, какие вопросы? Подайте заявление на контроль, на съемку, и, если вам организация даст разрешение съемки на режимном объекте — пожалуйста, снимайте и смотрите.*

Журналист: Если я правильно помню, то конкретно на видеозаписи вы делаете акцент не на том, что это режимный объект, а на том, что вы частное лицо. Я правильно помню?

Валерий Колибан: *Естественно, потому что я являюсь частным лицом. Я не являюсь сотрудником предприятия. Если я не ошибаюсь, то у нас в законе прописано, что у нас частное лицо охраняется государством. И никто не имеет права снимать его где-то.*

По законам наших государств-соседей это бы называлось «незаконный сбор информации личного характера». У нас этой статьи нету.

Посмотрите, вот это он [Дмитрий Белоусов (ред.)] устанавливает мою личность. Я ему пишу, мол, почему устанавливаешь личность? Вот он я. Следующее его заявление: «Всем доброго утра, хочу поделиться дискурсом...», — и адрес моей страницы в одноклассниках. То есть, ты устанавливаешь личность, вот он я появился, и вот он я есть, давайте будем общаться. Я не скрываюсь.

Для установления личности можно было пойти с заявлением, если он подозревал меня в каких-то незаконных действиях, пожалуйста, идите в Управление внутренних дел, напишите на меня заявление. Я думаю, что милиционеры знают свою работу и в течение 15-ти минут найдут эту личность. Какое вы право имеете устанавливать мою личность?

После того как он установил мою личность, дал адрес моей страницы в Одноклассниках...

Журналист: То есть вам пошли угрозы?

Валерий Колибан: *Естественно...*

Журналист: Сколько таких угроз было, примерно?

Валерий Колибан: *Ой, мне и на телефон звонили с молдавского номера, и угрожали, что спалят мне машину, и, если честно, то вначале я начал опасаться, потому что есть такие прецеденты.*

Например, в Калужской области, если не ошибаюсь, зоозащитники убили четыре лица без определенного места жительства. Одного успели спасти, а четверых убили. Администратора какого-то сайта покалечили. Но его били так, что цель была убить, но благодаря своей физической подготовке пацан выжил. Но его убивали: били арматурой и трубами.

Потом я начал к этому относиться с иронией, если честно. Я подумал, что каковы зоозащитники ... каково государство, таковы и герои. Бояться или скрываться от чего-то смысла нет. Если мне кто-то захочет спалить машину, то он спалит. Меня не убьют, потому что шансов... я не буду ждать, пока меня будут убивать, а то что машину могут спалить — это пожалуйста.

Журналист: Если я не ошибаюсь, то вы подали в суд на Дмитрия Белоусова. Я правильно понимаю?

Валерий Колибан: *Да, но из-за инфантильности законов, суд посчитал, что ничего противозаконного не произошло.*

Если вы прочтете его статью [Дмитрия Белоусова (ред.)], то она написана с тонким таким намеком, то есть он не написал, он не обвинил прямым текстом. То есть я понял одно: если я напишу, что Дмитрий Белоусов является педофилом или агентом МБ, то мне за это ничего не будет, потому что я только подозреваю, это мое личное мнение. Я могу это опубликовать в интернете. Но это неправильно. Ваше личное мнение должно остаться при вас, если оно касается другого человека.

Журналист: Чего конкретно касается ваше обращение в суд? Конкретно статьи Дмитрия Белоусова или съемки тоже?

Валерий Колибан: *Нет, вообще-то про съемку я его просто попросил: «Слушай, не будь дураком, не нужно это выставлять в интернет на всеобщее обозрение». Мне-то все равно. Мне просто не приятно. Уже товарищи спрашивают что это у меня за проблемы. Проблем нет, говорю, это у людей есть проблемы.*

Я подал в суд на незаконный сбор информации, поступление угроз, но судья рассмотрел только статью, которую он написал [Пост об установлении личности (ред.)]. В статье он не нашел состава преступления и указал, что мне нужно обратиться в гражданском порядке в суд уже на тех людей, кто мне написал эти угрозы.

Журналист: То есть о незаконном сборе информации ничего со стороны судьи сказано не было?

Валерий Колибан: *Нет. На счет статьи: он ничего такого не написал. Он просто подозревает, что вот такое было сделано.*

Журналист: Вот у меня есть договор с МУПом, договор «личного найма» от 24.03.2017 г., таким образом МУП нанимает вас, вы работаете на МУП, разве нет?

Валерий Колибан: *Нет.*

Журналист: Почему?

Валерий Колибан: *Понимаете, я выбираю время, а не они. Если я свободен, то я могу приехать. Если я не приеду, то извините. Кроме этого договора в МУПе еще лежат 5-6 договоров.*

Журналист: «Договор личного найма». Таким образом подразумевается, что МУП нанимает вас для осуществления некой деятельности.

Валерий Колибан: *Если вам честно сказать, этот договор он мне не нужен был как договор. Но у нас же бюрократическая машина только так работает: без бумажки-то нельзя. Я даже если на охоту иду, то мне нужна лицензия. Тоже самое и здесь. Я не хотел вот этого, я им говорил, что не надо, но они мне говорили, что не смогут мне вернуть деньги на патроны, а я им говорю: «Они мне нужны», — «Государство выдало нам на это деньги, мы обязаны вам возмещать патроны».*

Журналист: У нас в республике есть закон о доступе к информации. То есть каждый гражданин республики имеет право получать и распространять информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Не кажется ли вам, что гражданин, в лице Дмитрия Белоусова в частности, имеет право наблюдать за вашей работой в случае, если вы являетесь работником муниципального унитарного предприятия?

Валерий Колибан: *Он имеет право это делать только на участке МУП, а не на моих частных участках.*

Основная его деятельность — это что-то вроде травли, в частности в интернете, больше ничего. Я его [Дмитрия Белоусова (ред.)] хорошо понимаю как человека. Его позицию. Дело в том, что они [зоозащитники (ред.)] нашу позицию не понимают, и я не один. Поверьте, если мы начнем сейчас собирать [данные (ред.)] как они это делают...

Просто чтоб вы поняли, расскажу короткий анекдот:

Идет служба в церкви. Стоит батюшка, стоит дьякон. Служба уже к концу, прихожан много, заходит старая женщина и говорит: «Да что вы этого батюшку слушаете? У него две дочери и обе проститутки», — люди: «О! Как так? Что он нам, батюшка, может сказать?». Разворачиваются: «Да что он может нам преподать, если он своих детей воспитать не смог?», — и уходят. Батюшка поворачивается, смотрит на дьякона: «Как мои дочери проститутки? У меня ж дочерей нет, у меня два сына». А дьякон говорит: «А теперь, святой отец, попробуй собери всех прихожан и объясни им это».

Этот «вброс», то что делал Белоусов, теперь я никому не могу объяснить, что я не живодер, я заживо шкуру не снимаю. Я стреляю. Да, я стреляю в собак потому что я понимаю, что, если я не буду в них стрелять, вы не будете их стерилизовать, они расплодятся, и мы дождемся историй Краснодар, Дагестана, Махачкалы.

Мы не должны ждать первую кровь. Если первый ребенок умрет, будет та же самая история: люди возьмут ружья (если я не ошибаюсь, их в городе 860 человек) и начнут стрелять. Тогда никто не поможет никому. Давайте будем выбирать.

Вот у меня питбуль стоит. Люди пришли и говорят: «Валера, давай постреляем». Я им говорю: «Не буду я ни в кого стрелять. Ваша собака — ведите ее к ветеринару, усыпляют, пристройте ее куда-нибудь». Пристроили ее на Гиске. Через два дня пришли другие и стреляют эту собаку. Все равно ее застрелили. Потому что собака была 5-летним питбулем и он был неадекватным. И я говорил: «Заберите ее в приют». «Мы бы забрали... Мы бы то, мы бы это...». Разница между моими действиями, моей позицией и позицией зоозащитников — я всегда говорил: «Мне не нужны ваши деньги, мне не нужно ничего от государства. Разрешите мне самому защитить свое жилище и своих детей».

Зоозащитникам выделили 30 000 рублей на стерилизацию собак в пределах одного района. Микрорайона Ленинского. Это было 2 года назад. Я вам скажу что было сделано (я

не буду говорить вам, что они их украли, пропили или потратили на свои нужды. Нет): была проведена работа, но проведена хаотично, т. е. одну здесь словили, другую на БАМе, третью еще где-то. Эти 30 000 ушли куда-то. Собак в городе с клипсами не появилось, десяток я вижу, может быть 20 собак.

Журналист: Насколько я знаю, ситуация была в том, что им дали слишком мало времени на реализацию проекта...

Валерий Колибан: *Два года прошло. Два года в городе не производился ни отстрел, ни отлов, ни травля. Ничего абсолютно. Два года. Им дали может быть полгода. Не справились за полгода, еще полтора дали, но ситуация-то только усложнилась. Потому что если бы они хотели работать с КоммуналДорСервисом... Да какие тогда вопросы?*

Если взять калькулятор — все умные люди, все умеют считать, особенно с калькулятором — считаем: было выделено 250 тыс. В городе, по подсчетам КоммуналДорСервиса, где-то в пределах 5 тыс. собак. 50 рублей — сумма, выделенная на собаку. В эту сумму входят: топливо, инвентарь для отлова, корм (23 рубля в сутки, если не ошибаюсь), передержка, операция стерилизации, период реабилитации.

Журналист: Сколько стоит стерилизация? Вместе с реабилитацией, со всем этим процессом.

Валерий Колибан: *Я думаю, что [стерилизация стоит (ред.)] не менее 450 рублей. Я не буду говорить точные цифры, но я знаю так, что операция где-то в пределах 150-250 рублей. Период реабилитации — пусть будет 7 дней по 20 рублей. Это еще 140 рублей. Я думаю, что обойдется, ну, пусть будет 300 рублей одна собака. А их 5 тыс.*

Журналист: Изначально, насколько я знаю, в проекте заявлялось, что животные будут делиться на две группы: первая — здоровые, вторая — больные, калеченые и бешеные. Здоровые будут стерилизоваться, а остальные умерщвляться. Насколько я знаю статистику, 49 убито и 3 стерилизовано. Как так получилось?

Валерий Колибан: *Да я думаю, что больше убито. Стерилизованных я не знаю сколько, я знаю, что при мне было выбраковано в первом этапе 12 особей, то есть их не отстреляли, их забрали. Потом 3 особи. И еще потом два выхода: в одном месте 4, в одном месте еще 3. Что с собаками было — я не знаю, потому что приезжаю на своей машине, отстрелялся, разгрузились, я сел в машину и уехал.*

Это не мои обязанности, я не знаю что они с ними делают. Может отпускают, может стерилизуют. Не знаю, да и не хочу знать.

Отлавливают их сотрудники КоммуналДорСервиса. У них есть штатный ветеринар. Штатный ветеринар выбраковывает их. После этого шума, который поднялся, начала выбраковывать их служба санитарной очистки, санэпидстанция.

Журналист: Расшифруйте, пожалуйста, слово выбраковывать.

Валерий Колибан: *«Выбраковывать» — оно звучит красиво. «Выбраковывать», знаете... Но это не деталь, это животное. Как это делается? Они собирают этих собак: есть зубы у собаки, есть лишай, есть то—есть то. Вот по таким характеристикам.*

Понимаете, когда отлавливается собака, есть та, которая идет в руки, но у нее зубов уже нет, то есть собака старая. Что с ней делать? Стерилизовать и отпустить доживать свой век?

Есть собаки, которых невозможно вчетвером затащить или вытащить из той машины. Она весит 60 килограмм. Что с ней делать?

Есть собаки, у которых огромные лишайные пятна по телу. Есть собаки с кучей укусов клещей. При мне выгружали собаку из машины, она вся опухшая. Вся! И что с ней делать? Погладить по голове, вырвать клещей и дать ей умирать? Она ж все равно сдохнет.

В одном заряде 12-го калибра от 36 до 42 грамм дроби. Каждая дробишка при попадании в собаку смертельна. Собака не бьется палками, не душится, не режется ножом. Она стреляется в бок. При этом сразу парализуются легкие, сердце, голова... Стреляется в переднюю часть. При выстреле они даже не скулят. Она просто падает.

Я понимаю, что по понятиям зоозащитников негуманно. По моим понятиям это гуманнее, чем бить ее палкой.

Они все кричат, мол, вот Америка... вот в Америке... Мы смотрим канал «Discovery»...

Хорошо, если мы смотрим на Америку, ребят, давайте будем смотреть со всех сторон на нее. Да, там забирают собак, лечат и так далее. А то, что с начала 2017 года от пуль полицейских умерло 517 человек — это никто не видит.

Канада. До сих пор для умерщвления животных в Канаде используется патрон 5.6 миллиметров, то есть мелкокалиберный патрон, выстрелом в голову. Все. До сих пор. Буквально на днях была передача: словили пантеру со сломанной ногой, полицейский пошел в машину, взял мелкокалиберное ружье, пошел, сделал выстрел в голову. Ну, жалко, но что делать? Она ж будет мучиться. Тема закрыта.

В Новой Зеландии до сих пор, хотя хотят сейчас новый закон принять, но все же, до сих пор для борьбы с бродячими собаками используется метод травли. Их просто травят: приманка отравленная раскидывается в местах обитания. Собака пошла, сожрала, умерла. Все. В Австралии до сих пор и травится, и отстреливается.

В Германии до сих пор (был там в 1999 году, в 2004 и 2005): вот я сдал собаку в приют, я не могу ее убить, т.к. это подконтрольно, меня сразу предупреждают, что есть две недели на реабилитацию, на то, чтоб она забыла, что у нее вообще был хозяин; их пытаются пристроить в семью; если две недели прошло и еще в течение недели ее не пристроили, то ее усыпляют. Все. Расходы по усыплению и сжиганию трупа, пожалуйста, оплатите. Но усыпляют, действительно, в Германии нормальными препаратами. Но там экономика, извините. Я думаю, что у них месячный ВВП будет четыре бюджета наших годовых. Да что четыре, думаю, что больше. О чем мы говорим?

Журналист: Мне ваша позиция и доводы понятны. Готовы ли вы вступить в дискуссию с зоозащитниками? Пробовали ли вы это делать и что из этого вышло?

Валерий Колибан: Я пытался. После публикации в интернете этой статьи, этим существом Белоусовым, я стою возле Sheriff'a на Ленинском, разговариваю с товарищем. Выходит Ирина Плагова, подходит ко мне и говорит: «Вон там собака, давайте мы ее будем стрелять...», — это знакомство с человеком? Это подход к человеку?

«Давайте мы ее будем стрелять...». «Да стреляйте, стреляйте, уважаемая Ирина. Можете вообще ее задушить, мне то что? Вы принимаете решение, вы и делаете. Чего вы меня подталкиваете, чего вы меня провоцируете?». «Нет, ну так же не делается...». «Как? Вы подошли ко мне и говорите, мол, давайте ее пристрелим, то есть заведомо уже приписали меня к киллерам каким-то, убийцам и маньякам», — вот в чем проблема. Я пытался им объяснить. Пытался с ними разговаривать.

Вот они пишут: «Сейчас нам предоставили фото... — а фото они не предоставили (это в паблике, в чате) — с биометрической ямы, куда сбрасывали расстрелянных, только раненых, но живых еще животных», — никогда... никогда уважающий себя стрелок не

оставит живого животного. Добьет. Хоть тот патрон будет стоить и 10 рублей, и 20 рублей. «Повсюду свежая кровь. Всю неделю их собирают, а по субботам их должны расстреливать, согласно соглашению администрации и охотника, под управлением Тофана Валерия». Это наш автовед. То есть и того приписали сюда. Бедный Валера не знал куда деться — его начали «травить».

Вот пишет Яна Соколова: «Некоторых людей в том числе ... я бы лично отнесла за 35 рублей туда, куда собак сдают», — то есть мы выравниваем в правах человека, ребенка, собаку. Когда они показывают, что кто-то бьет палкой собаку, этот же Харченко: «он же тварь, он же нелюдь», — а когда я скинул им, что в центре города собаки напали на ребенка, ну, не доснимал до конца, потому что кинулся спасать, это прямо возле Госадминистрации: «Ну, рвут, ну что? Это боевые потер... Нас же много. Что, если 1-2 человека умрут от укусов собак?», — вот логика какая.

Один пишет: «Зачем запугивать? Нужно приниматься меры: распечатать его фото и расклеить по городу с надписью: «Он живодер. Он отстреливает собак», — пусть все видят доблестного парня. Да и дети его, если они есть, пусть им гордятся». У меня их трое, да и не скрывался я никогда.

«Смысл устраивать дебаты — то есть любое мое предложение заканчивается примерно таким — с этим, не побоюсь этого слова, конченным по жизни человеком. Напишу одно, по справедливости, таких как этот — нелюдей — надо молча отстреливать, как он это делает с животными. Поверьте, ему достанется по заслугам». Все мои попытки пообщаться с ними, объяснить, что, если моя точка зрения не схожа с вашей точкой зрения, это не значит, что я «нелюдь». Для получения разрешения на оружие я 3 или 4 раза прошел медкомиссию. И каждые 3-4 года, сейчас нам уже 5 дали, потому что большой стаж владения оружием, показываюсь психиатру, психологу, наркологу, абсолютно всем врачам. Не дают оружие психически нездоровому человеку, но они всегда все мои разговоры ведутся к этому.

Когда я предложил им: «Ребята, приходите ко мне. Вот я на Ковриаго 20, там у меня автосервис. Там у меня стоит стол большой, стулья большие, лавочка длинная красивая. Приходите, сядем, увидите моих собак — у меня две собаки: одна бойцовская, помесь, ее выбросили, я подобрал, так и не понял что за порода: смесь индейца с мотоциклом; а вторая у меня дратхаар — есть две собаки, приходите, посмотрите», — нет, никто не пришел. Но каждый день в свой адрес я... даже не знаю как сказать, чтоб не польстить себе... я чувствую себя как Че Гевара в плену у американцев. Вот они все такие, мол, я сам, я — злодей.

Я говорю: «Хорошо, ребята, я перестану стрелять. Не буду я ходить и стрелять». Потому что последний раз когда был, сказал: «Ребята, стреляйте сами. Вот вам ружья, вот вам боеприпасы могу принести в КоммуналДорСервис».

Я убеждал Небуну, бывшего директора Спецавтохозяйства и КоммуналДорСервиса, убеждал его три года тому назад. Пришел к нему с предложением, говорю: «Вот есть оружие пневматическое. Нам нужен транквилизатор, т.к. он находится под строгим контролем, и дополнительные дротики. Принесите нам 10 дротиков, а остальные мы сделаем сами: снимем размер, есть ребята токаря, есть мастера — мы сделаем. Но принесите хотя б 10 — 10 дротиков стоило \$10, а транквилизатор не знаю — и мы будем в течение дня [работать (ред.)]». Когда сидишь с пневматическим ружьем в машине и видишь как ведет себя собака, ты можешь выбрать ту, которая ведет за собой стаю. Убрал сучку в бок транквилизатором — забрал. Остальные пусть гуляют. Но нужно потихоньку уменьшать их количество.

Если сейчас посмотреть, по центру пройтись, то от 8 до 12 штук, иногда 16 бывает.

Журналист: Скажите, долго собираетесь сотрудничать с КоммуналДорСервисом?

Валерий Колибан: *Сколько надо будет. Сколько раз будут просить, столько и буду ходить.*

Журналист: То есть инициатива следует в данный момент именно от КоммуналДорСервиса? Первоначально от вас была?

Валерий Колибан: *Да, в данный момент от КоммуналДорСервиса. Первоначально от меня была. Первоначально я сам подошел, дождался аудиенции у Небуну, сказал: «Давайте что-то делать. Нас много, бригада большая. Давайте будем работать какими методами вы посчитаете нужным». Отстреливать, я понимаю, не гуманно...*

Журналист: Скажите, пожалуйста, вашей бригадой какое количество животных было умерщвлено за период реализации программы?

Валерий Колибан: *Нужно посмотреть, есть в ведомость. В этом году где-то от 30-35-ти до 50-ти где-то.*

Журналист: Какой процент выстрелов является для животного смертельным?

Валерий Колибан: *Один выстрел.*

Журналист: То есть во всех 100% случаев...

Валерий Колибан: *Нет. Естественно нет. Редко, но бывает нужда второго выстрела. Редко. Но это бывает. Поэтому норма патронов идет со времен Советского Союза — 3 патрона 2 собаки. При Советском Союзе, когда я начал охотиться, мне было 16 лет, я ходил с «коробочкой» — загонять для старых охотников. Мне было лет 19, когда мне подарили первое ружье, хотя отец никогда не был охотников, но вот у меня такая «болезнь» есть, не буду ее скрывать, так как у всех мужиков: один рыбак, другой охотник, третий картежник и так далее. Вот я охотник. И вот при Советском Союзе ты приходишь брать лицензию, открывается каталог и смотрится: «Уважаемый, а вы не участвовали в трудоучастии», — то есть у вас не было контрольного отстрела лисы, бродячих собак. Если у вас этого не было, то вы не получите лицензию, поэтому их было меньше. Т.е. охотники дрались за эти хвосты. Принес хвосты, патроны вернули, но у тебя была норма: 3 собаки и 3 лисы ты должен принести.*

В августе открывается сезон охоты на перепелку. Стоит поехать, чтоб понять в каком ужасном состоянии находится наша флора и фауна в Приднестровье. На одну перепелку приходится 3-4 лисы. Лиса — это такой зверь... одна лиса должна быть на 13-16 гектаров, а у нас на 1 гектар 3-4 лисы... Мы отовсюду окружены полями, а собака не выходит в поле. Но лиса приходит в город, гонимая голодом. У собаки инстинкт и, естественно, она будет грызться с лисой. Но лиса в 99% переносчик бешенства.

Два года тому назад мой товарищ был укушен собакой. Просто бродячей собакой. Парадокс в том, что укусила собака, когда он попытался дать ей пожрать. Вот он наклонился, а она просто легонько поцарапала ему руку. Собака, вроде, адекватная — живет во дворе. Ну, пошел домой. Не предал значения. Через месяц инфекционное и умер. 37 лет. От бешенства. Это неизлечимая болезнь. Ее можно заблокировать, но болезнь не лечится. Если ты перешел 50% стадии, то все, ты труп. А у нас этих лисов — миллион.

И то что там, в КоммуналДорСервисе, они за шею вытягивают собак, я смотрю, говорю: «У них все признаки начала бешенства: красные глаза и так далее. Чего вы у них анализы не берете? Возьмите анализы, посмотрите». Отвечают: «Слушай, кто этим

будет заниматься? Кто? Этим должна заниматься служба санэпидемстанции». Но этим никто не занимается.

Я вам скажу: если в нашем городе найду три собаки — одна на Притягайловке, другая на БАМе и третья на Ленинском — и у них будет бешенство, то мы уже перевалили эпидемиологический порог. Это страшно.

Журналист: Из тех собак, которых привозят сотрудники КоммуналДорСервиса, какой процент из них, на ваш взгляд, здоровы?

Валерий Колибан: Процентов 40 — да.

Журналист: 40% — это без лишая, о котором вы рассказывали, без ...

Валерий Колибан: Да, есть, есть [здоровые (ред.)] ... Я не буду так... Но вопрос в другом: вот она «блестит», красивая собака, спору нет. Но она проявляет агрессию. То есть это тоже проблема.

Больше всего проявляет агрессию сучка, когда она уже с выводком, или кабель, когда у сучки гонный период.

Журналист: Скажите, есть какой-то процент собак, который вы получаете и думаете: «Я бы эту собаку отпустил»?

Валерий Колибан: Бывало. У меня было немало случаев, когда они вытаскивали собаку, а я просто говорил, что стрелять в эту собаку не буду. Потому что стрелять в собаку, когда она весит три килограмма — это бессмысленно.

Честно вам скажу, вот сейчас КоммуналДорСервис — они смеются. Говорят [отловщикам (ред.)]: «Вот таких не отлавливайте, потому что их стрелять не будут». Если собака весит 5 килограмм, то она не представляет ни для кого угрозы, она максимум что может — это напугать ребенка. А то что выше 15 килограмм, 20 килограмм — это уже опасно.

Собака, как бы мы ни старались сделать, но это стайное животное. Как бы мы ни старались, но она стайное животное. Она живет в стае. И самое интересное, что она не травоядное, она плотоядное животное. И как бы мы ни крутили, она останется плотоядной. Мы не сможем ничего сделать с природой. Это природа. А если животное плотоядное, то мы не сможем заставить его постысь, оно будет охотиться. Так что с ними делать?

Это не мы виноваты, что они плотоядные, не мы их создали, но они будут нападать. Вы знаете что такое нападение стаи из четырех собак? Они всегда атакуют попарно. Очень слаженно, очень красиво. Если они прожили в стае полгода, они уже единый механизм. Единый организм. Они будут две сзади, две спереди, одна сбоку. Они будут нападать попарно. Я уверяю вас, что после первого укуса вы испытаете болевой шок. А если вы не здоровый мужчина, а женщина, подросток или ребенок, у вас нет навыков, нет тренировок... убежать от них вы не сможете, они вас догонят, они намного быстрее... после первого укуса у вас болевой шок, вы уже сопротивляться не можете. Но они тянут одна вправо, одна влево. Они тянут рывками. При мне было: возле ЖД вокзала женщина осталась без кожаного плаща и это еще повезло ей. Ее как начали растеребанивать во все стороны и пакеты разбросаны, и все... И это наши дворовые собаки. Они во дворе никого не кусают, но выходя со двора они уже начинают нападать, потому что рядом уже чужие люди, а не дворовые.

Поэтому с собаками вопрос решать надо, хотите вы или не хотите.

Журналист: И все же, вам выдают 150% патронов. Вот лично у вас какой процент смертельных попаданий?

Валерий Колибан: 99% [смертельных попаданий (ред.)]. Я вам скажу, что нельзя промахиваться. На большие дистанции мы стреляем контейнером. На короткие дистанции стреляется без контейнера, то есть собака весит 10 килограмм, то с расстояния в три метра попадание идет от носа и до хвоста. Нет там шансов выжить. Не мучается собака. После выстрела только предсмертные конвульсии, как и у любого организма. Потому что это небольшое расстояние.

Журналист: Как вы представляете формат беседы с зоозащитниками? Если вам до сих пор интересен этот формат, конечно.

Валерий Колибан: Вообще-то с зоозащитниками я бы разговаривал... с настоящими зоозащитниками... Понимаете, зоозащитники, в моем понимании... я видел «Green Peace», как они борются за всех абсолютно. А у нас получается какая-то односторонняя зоозащита. Получается «собакозащита». Никто не обращает [внимание, что] вот у нас Парканский мясокомбинат. Как убиваются животные на Парканском мясокомбинате? Хотите расскажу? Большой ампераж, 380 вольт, бьет палкой, потом, чтоб не испортилось мясо, ей вырезают глотку, чтоб вытекла вся кровь. Как у нас убиваются поросята? Вот, например, у нас на базаре торгуют мясом — это индивидуальные предприниматели забивают сами каким методом: первый метод — привязывается, отрубается голова, свинья еще живая, вытекает кровь; второй метод — нож в сердце. Это гуманно? Это вообще варварство я считаю. Но у нас работает мясокомбинат. Птицефабрика как работает? Цепляется птица головой вниз, идет по конвейеру, стоит человек со специальным ножом и только вырезает им глотки. Вот о чем я говорю.

То есть если ты настоящий зоозащитник... я не буду говорить про Белоусова — веган, зоозащитник, я его понимаю очень хорошо, но остальные? Если ходит в кожаной куртке, в кожаной обуви — он зоозащитник? Ну какой это зоозащитник? Ты пришел отстаивать права собаки в кожаной куртке и кожаной обуви. Вам собака интересна или вся флора и фауна?

Они говорят, мол, вот, вы вмешиваете в естественный процесс природы. В основном это Белоусов кричит. Ребята, если мы не будем вмешиваться, если не будем кормить, когда у нас все поля заросшие, если отработаны поля, а остальное все заросло и ничего не растет, то что будет кушать фазан? Что перепелка?

Вот мы скидываемся по 50, по 100 рублей в год, покупаем отработанные семечки, жмых и так далее. Едем выкидываем туда прицеп, сюда прицеп, выкапываем родники. У нас два или три родника выкопаны именно нашей бригадой. За собственные деньги мы оплачиваем и выкапываем родник, потому что косули негде пить. Потому что если они на берегу Днестра — это хорошо, но если она с той стороны Притягайловки, то она не пройдет туда попить водички. А если она уйдет на территорию Молдовы, то мы не знаем какие у них там порядки. Кто-то найдет, да и закончится эта косуля.

Мы к этому относимся немножко с другой точки зрения, немного философски. Если вы хотите защищать, то почему не всех животных? Почему мы защищаем именно собак? Собака — это проблема. Это проблемное животное. Она нападает. Чем больше она нападает, тем больше шума. Чем больше шума, тем больше на этом можно погреть руки. Это с моей точки зрения. Я считаю, они кричат: «Дайте нам денег», — зачем они вам? Давайте без денег, ребята. Если ты такой фанат... Вон Хабенский ради детей больных раком абсолютно все гонорары отдает туда... Так в чем проблема? Продайте вашу квартиру, постройте... Питомник вон на Ленинском. Есть питомник, есть дорога, есть дома. Госадминистрация им сказала: «Ребята, давайте на Гиску, там есть ферма 12

гектаров», — вы знаете сколько собак там можно держать? Там готовый ангар, там ничего не надо делать, там много собак можно держать... «Так далеко же». Так в чем проблема «далеко»? Купите машину большую.

Разница между нами какая? Он [Дмитрий Белоусов (ред.)] пишет: «Мне нужен мопед для мониторинга ситуации...», — в чем проблема? Купите. Заработайте денег и купите мопед за ваши личные деньги. Мониторьте ситуацию. Почему ты просишь? Мы должны скинуться, чтоб ты купил себе мопед? У нас вон детдом в Бендерах. 250 тыс. я бы отдал на детдом, а всех охотников в городе обязал принести три хвоста. Лицензию хочешь получить? Принеси 2 хвоста лисы, 3 хвоста лисы, сколько? Поставьте норму. Пускай ребята работают и пускай сидят, как в Канаде, ночами в засаде и ждут ту лису, чтоб убить и получить лицензию или собаку динго. И вопрос был бы решен: и охотники были бы довольны, и дети счастливы, и проблем бы не было.

Дата проведения: 5 июля 2017 года.

Подготовлено Информационной службой ИПЦ «Априори».

www.apriori-center.org